

Ложка джаза во французских изысках

Елена Образцова и Денис Мацуев открыли Московский международный оперный фестиваль

Анна Ветхова

Концерт Елены Образцовой и Дениса Мацуева в Большом зале Московской консерватории послужил не только точкой отсчета нового столичного проекта – Московского международного оперного фестиваля, но дал старт «дочернему предприятию» фестиваля – циклу «Выдающиеся пианисты – выдающиеся вокалистам».

Кроме того, вечер был посвящен памяти известного журналиста Артема Боровика, в связи с чем на концерте присутствовали члены его семьи и многие известные политики и деятели культуры, среди которых были Михаил Горбачев и Валентина Терешкова.

Название цикла «Выдающиеся пианисты – выдающиеся вокалистам» парадоксальным образом уравнило в заслугах Елену Образцову и Дениса Мацуева. Конечно, выдающимся можно быть и в молодости, но многие слова сегодня настолько истасканы, изъедены и затерты, что порой до изначального смысла их докопаться уже невозможно. Но важно, конечно, в данном случае не это. Любопытен сам факт рождения дуэта Образцова–Мацуев, в действительности оказавшегося дуэтом в самом что ни на есть исполнительском смысле этого слова. Во всем, что происходило на сцене, они явили единство взглядов и вкусов, во всем были партнерами, великолепно чувствующими друг друга, и даже промахи, случившиеся у обоих, были абсолютно синхронны. За исключением одного. Елена Васильевна Образцова – художник колоссального масштаба и глубины, профессиональные огрехи нынешней ее вокальной формы никак не способны помешать восприятию того, что хочет она передать и что может выразить. Денис Мацуев блещет совершенством пианистического аппарата, но за его виртуозностью

Елена Образцова очень старалась, но джаз ей явно не удался.

Фото Натальи Преображенской (НГ-фото)

смыслов пока не углядеть и не расслышать.

Программа концерта обещала нетривиальность концепции. И поначалу удивила и очаровала выбором совершенно незапетой камерной вокальной музыки французских композиторов начала XX века – Франсиса Пуленка и Рейнальдо Ана. Крошечные

миниатюры-состояния были исполнены невероятно гибко, Елена Образцова продумала фразировку и динамику до мелочей, а Денис Мацуев очень тактично следовал за мыслью примадонны. Но отчего-то исполнители решили, что публику в этот вечер надо развлекать, что тонкая – в духе Пруста – вокальная ли-

рика не может увлечь слушателя на протяжении даже одного отделения. И если появившаяся в программе музыка Массне (Шарлотта, «Вертер») и Бизе (Кармен) – коронные арии Елены Образцовой – могла стать серией бисов, то музыка Жака Оффенбаха (фрагменты оперетт «Великая Герцогиня Герольш-

тейнская», «Перикола»), которой открылось второе отделение, окончательно разрушила изысканную атмосферу начала вечера. Динамика развития программы имела свою логику: все увенчалось серией джазовых стандартов, исполненных в заключении концерта. Не совсем ясно только, для чего музыканты решили избрать именно такой путь. Показать свою многосторонность? Владение многими стилями? Но ведь ими надо действительно владеть. И атрибутикой в виде выставленного на сцене микрофона, в который Елена Образцова «по-джазовому» пела стандарты, которые у всех на слуху, здесь не обойтись: микрофон погоды в смысле проникновения в стиль, конечно, не сделал. То, что с невероятным чутьем и мастерством Елена Образцова передала в миниатюрах Пуленка и Ана, в джазовых композициях ей абсолютно не удалось. Ее голос как будто сопротивлялся самому движению фразы. А Денис Мацуев, позиционирующий себя в качестве импровизатора уже довольно давно и активно, как только голос Образцовой замолкал, пускался выписывать эквилибристические колленца на рояле, срываясь в галоп с отголосками регтайма, рассекая пассажами все пространство клавиатуры и ускоряя и ускоряя темп, как разгоняющаяся на прямой трассе ночная машина. Фромко и быстро – это отношение к джазовой импровизации напоминает арсенал выразительных средств начинающих исполнителей. Только вот импровизация предполагает не показ технических возможностей: природа ее совершенно иная. Она в развитии эмоции, а не техники, она – не этюд трансцендентной сложности, а способ приоткрыть грани человеческих состояний, богатство их нюансов, непредсказуемость их развития. Но это уже совсем другая музыка, о которой на этом вечере напоминали только названия композиций: «The man I love», «Summertime», «Clouse your easy», «I'm crazy to love you». ■